

— Сегодня ведь у тебя выходной, Весполаро?

В воскресенье днём, на пятом уровне Альманвиля, в местном отделении Инквизиции, капитан второго боевого отряда — Кростошь Уотербак — нахмурилась, увидев, что её подчинённая почему-то появилась в офисе.

Хотя Весполаро пользовалась выданным ей рабочим терминалом, её движения выглядели неуклюже-вороватыми, и когда начальница вдруг оказалась позади, пёсолюдка подпрыгнула и громко выкрикнула:

— Так точно!

— ...Что значит «так точно»? — устало пробормотала Кростошь.

Она положила ладонь на плечо подчинённой, наклонилась и заглянула через неё в экран. Там была открыта карточка гражданина.

— Радоцвет Сикадир, сорок четыре года, проживает на семнадцатом уровне, Эмалевый проспект, дом 176. Универмаг «Дух груши» на двенадцатом и седьмом уровнях — тоже его. Хм. Богачи всегда обожают давать своим предприятиям растительные названия — неужели не чувствуют, насколько еретично это звучит?

Весполаро, которая тоже могла считаться небедной, только глупо хихикнула:

— Хе-хе.

— Не хихикай, — Кростошь опёрлась бедром о край стола и, поднеся кружку ко рту, спросила:
— Что с этим типом не так?

— Эм... — глаза Весполаро метнулись влево, потом вправо. — Мне поступил донос. Говорят, он подозрительный; возможно, поклонник Девы Серебряной Луны, то есть культист.

— Подозрительный чем? — уточнила Кростошь. — Раз доносчик упомянул именно Деву Серебряной Луны, у него были какие-то доказательства?

Весполаро замаялась.

Кростошь пристально смотрела на неё, а та всё никак не могла выдать из себя ничего внятного.

— Обвинения в культизме — серьёзное дело, Весполаро, — строго напомнила Кростошь.

— ...Да, — угрюмо ответила пёсолюдка, и даже уши у неё поникли.

Хотя ей было досадно, капитан не ошибалась. Подобные доносы в таких отделениях поступали ежедневно.

Если заявление не сопровождалось доказательствами или хотя бы внятным обоснованием, при загроуженности местных инквизиторов никто просто не имел сил разбираться с каждым.

Кристабель, конечно, назвала причину, но «у него взгляд, как у моего мужа» звучало слишком истерично.

Этот оленелюд явно чересчур настойчиво добивался её внимания, а Кристабель просто не могла до конца избавиться от старых страхов.

Даже Весполаро, выслушав причину, на миг усомнилась. Если бы она сейчас произнесла имя Кристабель вслух, капитан наверняка махнула бы рукой и забыла о деле.

Однако...

Весполаро вспомнила, как Кристабель жаловалась, что из-за ухаживаний Радоцвета коллеги начали сторониться её, и нахмурилась.

Короткие густые брови сдвинулись вместе, придавая лицу глуповатое выражение. Крастопь заметила это и тяжело вздохнула.

— С такими жалобами сначала направляй материалы на семнадцатый уровень, — наставила она. — Раз донос внутренний, тамошнее отделение само организует слежку и проверку. Этот Радоцвет Сикадир — человек уважаемый. Если бы он был культистом, то не смог бы так далеко продвинуться, не утратив имущества. А если имущество всё же не полностью его, возможно, он лишь держит его для своего культа, отмывая чёрные деньги. В таком случае, если он оступится, первыми, кто его уничтожит, будут его же «братья».

Затем Крастопь добавила:

— Именно поэтому, если он и правда из культа, внешне он себя никак не выдаст. Проверка займёт время. Не торопись, Весполаро.

— Поняла... О! — глаза пёсолюдки загорелись, будто мысль наконец уложилась в её голове.

Крастопь показала ей, как переслать сообщение по внутренней линии, и, дождавшись, пока та закончит, велела:

— А теперь марш домой. Когда у людей выходной, они не желают видеть работу ни секунды. Только ты способна притащиться обратно. Я знаю, что ты рвёшься вперёд, но отдых тоже нужен.

— Эй-хей, — глаза Весполаро сияли, — я ведь утром уже поспала несколько часов, я совсем не устала!

— ...

Кростопись замолчала.

Тридцать девятый год службы был золотым временем для любого служителя, но чем ближе к четвёртому десятку лет, тем ощутимее становилась усталость от бесконечной работы.

«И эта выносливая пёсолюдка ещё хвастается энергией! Бесит».

Цокнув языком, Кростопись с силой хлопнула её по спине:

— Вон отсюда, живо!

Пёсолюдка с визгом отпрыгнула и, спотыкаясь, почти выбежала из офиса. Уже на лестнице она услышала, как капитан крикнула вдогонку:

— Весполаро! В одиночку расследование проводить нельзя — это приказ, ясно?!

— Так точно! — рявкнула она и, виляя хвостом, выскочила наружу.

Перед отделением раскинулась небольшая площадь. У её края стояли несколько новеньких летающих машин.

Весполаро прежде сталкивалась с подобной техникой только на практических занятиях — там использовались старые модели, возрастом лет двадцать, и разница между ними и этими новыми была как между русалом и птицелюдом.

Нет, она, конечно, не имела в виду ничего расистского.

Пёсолюдка с восхищением осмотрела машины и решила, что когда-нибудь купит себе такую. Потом обвела взглядом площадь — и вдруг поняла, что не знает, куда теперь идти.

Домой?

Можно было бы, если б чувствовала усталость. Но сейчас внутри неё бурлила энергия, и тратить выходной на отдых — для пёсолюда непростительно!

Тем более она ведь обещала Кристабель встретить её вечером после работы...

Вот только почему до конца смены было ещё так далеко?

Весполаро решила прогуляться по улицам — всё равно сегодня она была без инквизиторской формы, и ощущения, наверное, отличались бы от дежурных патрулей.

Так она себя и убедила. Начав бродить без цели, Весполаро, сама того не заметив, остановилась в незнакомом квартале и поняла, что оказалась на семнадцатом уровне — на Эмалевом проспекте.

Согласно досье, дом номер 176 на Эмалевом проспекте и был местом жительства Радоцвета Сикадира.

— Я не пришла расследовать! — поспешно возразила она самой себе, поджав хвост и оглядываясь, словно капитан Крастопь могла выпрыгнуть из-за угла и начать на неё орать.

Крастопь, разумеется, не появилась, и Весполаро с облегчением выдохнула... только чтобы снова ощутить напряжение.

— Я просто случайно сюда забрела, — пробормотала она, — ну раз уж дошла до этого места... взглянуть на дом снаружи ведь не преступление, правда?..

Её голос звучал нерешительно, но шагала она очень быстро.

Вскоре Весполаро добралась до нужного адреса. Дом оказался небольшим, трёхэтажным, без особых украшений — не роскошным, но и не бедным, вполне неприметным среди подобных. Перед фасадом имелся крошечный сад.

В саду не было декоративных цветов — лишь зелёный ковролин, да несколько статуй, смысл которых Весполаро не могла определить.

В общем, дом был самый обычный, такой, на который она не обратила бы внимания, проходя мимо.

Подозрительным он не выглядел, но именно эта нарочитая «обычность» вызвала у инквизиторши лёгкое беспокойство. Слишком чисто, слишком нейтрально — так не бывает.

«Может быть, внутри есть что-то, что стоит проверить?»

Она остановилась под фонарём, всматриваясь в дом. Ей хотелось войти, но правила запрещали подобное самоуправство. В итоге Весполаро только обошла участок наполовину и, недовольно фыркнув, уже засобиравалась уходить.

Вдруг она резко застыла и опустила голову. Ей нос дрогнул.

Запах.

Зловонный запах, от которого у святосветных рыцарей начинала болеть голова.

У Кристабель Померан закончилась третья репетиция.

Положение её не улучшилось: после второго отказа Радоцвету Сикадиру в труппе поползли слухи.

Говорили, что она уже была замужем. Что кто-то видел её возле детского приюта. Что у неё лишь среднее образование, без всякой театральной подготовки и трудового опыта.

Вчера коллеги просто перестали с ней разговаривать; сегодня же стоило ей подойти — люди расходились.

Она даже услышала насмешки над своим акцентом, хотя никто не осмелился высмеять её актёрскую игру.

И не зря: за три дня Кристабель показала невероятные способности.

Что бы ни требовала Морехлада Пэррот, стоило ей один раз объяснить, а затем подкорректировать во время попытки — и Кристабель уже играла почти идеально, почти так, как нужно.

Кроме одного момента.

— Здесь тебя раскрыли. Ты должна показать страх. Разве ты не знаешь, что такое страх?!

Кристабель, действительно не зная, что такое страх, ответила неловкой улыбкой.

Морехлада сверкнула глазами, обрушивая на неё поток ругательств, но Кристабель лишь сохраняла то же глупое выражение, пока режиссёр не выдохлась.

— У тебя кожа толще, чем у свиньи, которую десять лет откармливали перед забоем. Пулей не пробить, да? — раздражённо бросила та.

Она наговорила столько, что даже запыхалась. Но, повернув голову, заметила другого актёра и вновь набрала воздух для очередного потока брани.

Однако птицелюдка не произнесла его сразу.

— Сегодня западная дверь открыта, — бросила она Кристабель. — Уходи через неё.

И, закатав рукава, пошла к другой группе, сквозь зубы процедив:

— Подумать только, так приставать к одному из членов моей труппы...

От этих слов улыбка Кристабель сохранилась вплоть до того момента, когда она вышла из театра «Любовная муза» через более укромный западный выход.

Весполаро обещала встретить её сегодня и подождать у главных дверей театра, которые в последнее время не открывали. Кристабель обошла здание и стала ждать, глядя на часы над входом и наблюдая, как минутная стрелка делает круг за кругом.

Через полчаса она почувствовала тревогу.

Они ведь не были близкими друзьями, и знали друг друга совсем недолго. Кристабель понятия не имела, свойственно ли Весполаро опаздывать, но полчаса — слишком долго.

«Может, её вызвали на срочное задание?»

Но в театре имелся телефон, и Весполаро брала её номер. Если бы что-то случилось, она могла бы просто позвонить.

Да, Весполаро была рассеянной, часто забывала мелочи, но Кристабель считала её надёжной — той, кто не ошибается в важном.

Стоя перед входом в театр, женщина сунула руку в карман старого платья.

Она погладила лежавший там нож. Разок. Ещё разок. Третий.

А потом развернулась и вошла обратно внутрь «Любовной музыки».

Трупы уже не было. Кристабель включила одинокую лампу, подошла к телефону и набрала первый номер.

— Да... да, это мама малышки Нефрит... Сегодня я, возможно, немного задержусь... Что нужно доплатить, если превысить время?..

Она закрыла глаза, потом открыла и ровно произнесла:

— Хорошо, я понимаю.

Положив трубку, она набрала второй номер.

— Алло, это отделение Инквизиции на пятом уровне? Дело в том, что я хотела бы узнать об инквизиторше Весполаро Хаски... Что значит, нельзя сообщать? Ах, я не спрашиваю, где она находится. Просто хотела узнать, сегодня у неё ведь выходной — она не на задании? Кто я?.. Э-э... Ну...

Даже если они были друзьями, она не имела права расспрашивать о делах инквизиторов.

Кристабель задумалась, потом, вспомнив слова из репетируемой роли, изменила тон, придавая голосу мягкую двусмысленность:

— Я живу у неё... Но она до сих пор не вернулась. У неё ведь сегодня не должно быть дежурства, верно?

Ответа не последовало, но догадка у Кристабель уже возникла.

Актёрское ремесло действительно многому учило.

Она повесила трубку, крепче сжала нож и вышла из театра.